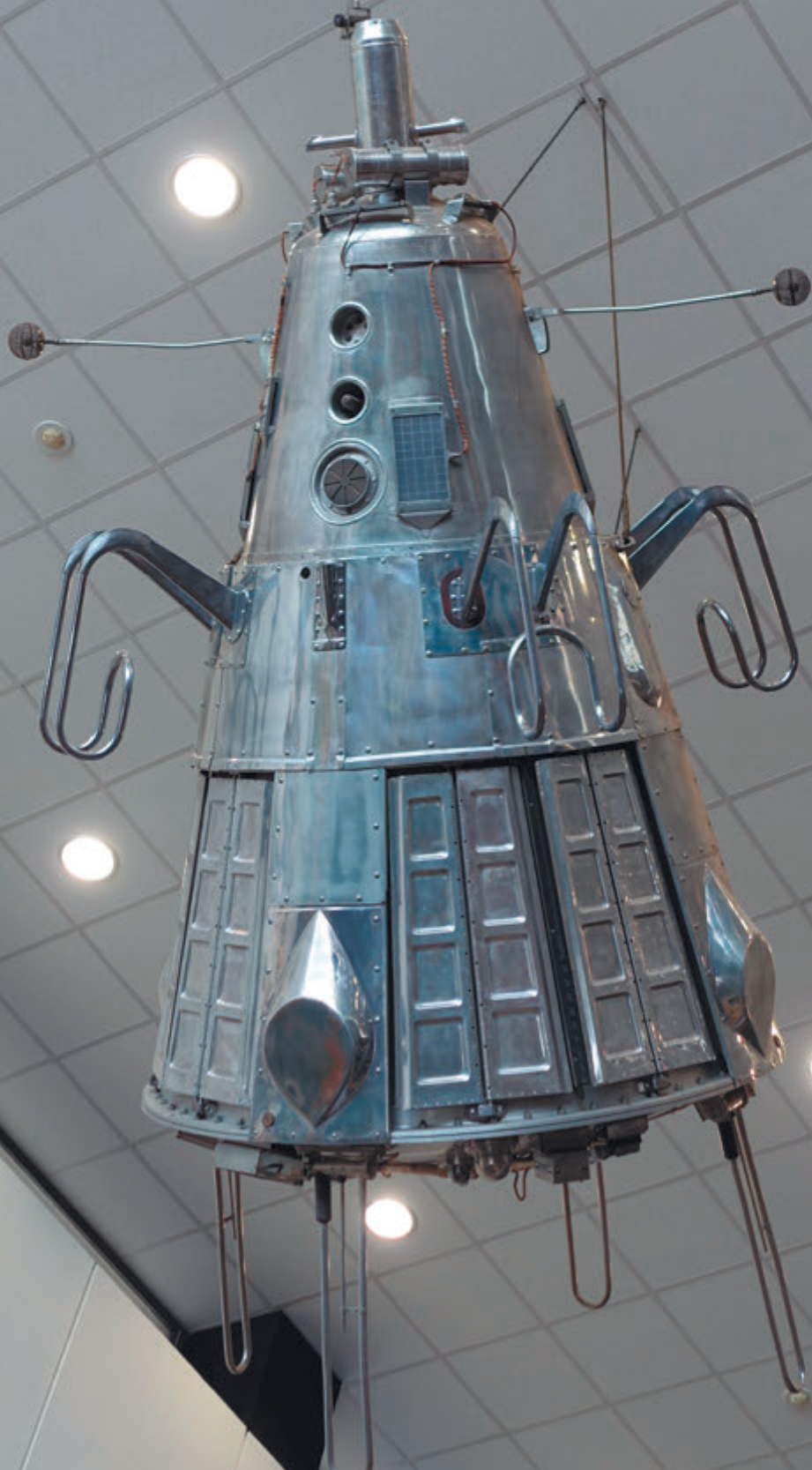

ISSN 2658-7920

ВЕСТИ

№ 5,
2025

ВЕСИ

№ 5
(217) 2025
июнь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий Гладкий</i>	
Сексизм как зеркало русской поэзии	2
<i>Михаил Шишин, Андрей Иванов, Ирина Фотиева</i>	
Е.П.Блаватская и русская мысль	9
<i>Олег Вайсберг</i>	
Очень длинное интервью	27

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: ukbki.rf
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция
рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без
дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Обложка: (1): «Спутник-3» — советский искусственный спутник Земли.
Государственный музей истории космонавтики имени К.Э. Циолковского. Фото Т.Богиной.

Отпечатан в ООО Универсальная типография «Альфа Принт»
620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru
Тираж 2500 экз. Цена свободная.

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьянчиковой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

Михаил ШИШИН

Доктор философских наук, академик Российской академии художеств, профессор Алтайского государственного технического университета (г. Барнаул, Россия). Председатель Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств. Главный редактор сетевого журнала «Искусство Евразии». Автор более 200 научных работ. Награжден грамотами Администрации Алтайского края и областного Совета народных депутатов, серебряной медалью Союза художников РФ и серебряной медалью Союза писателей РФ. Заслуженный работник Высшей школы, почетный профессор Монгольского государственного университета культуры, почетный доктор Ховдского государственного университета.

Андрей ИВАНОВ

Доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета (г. Барнаул, Россия). До 2000 года жил в Москве и работал заместителем декана философского факультета МГУ. Автор более 300 научных и научно-методических трудов. Награжден почетными грамотами Министерства образования РФ, Администрации Алтайского края; заслуженный работник высшей школы.

Ирина ФОТИЕВА

Доктор философских наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). Родилась и училась в Санкт-Петербурге, в 1989 году переехала в Барнаул. Автор более 190 научных работ. Награждена Почетной грамотой Министерства образования РФ, медалью «За вклад в развитие российско-монгольских отношений».

Е.П.БЛАВАТСКАЯ И РУССКАЯ МЫСЛЬ

Не странно ли, что я, язычница, ненавидящая протестантство и католичество, как только дело дойдет до православия, так душу и тянет к русской церкви?

...Ведь я – отщепенка! Неверующая космополитка, все так думают, и я сама.

А за торжество православной России, нашей церкви и всего русского отдала бы кровь последнюю... Господи! Хоть бы перед смертью увидеть Россию торжествующей над врагами!

Е.П.Блаватская

Не истину новую предлагаю на старое место, а места нового требую для старой истины, потому что то место сознания, куда должно поместить эту истину, загромождено хламом

П.А.Флоренский

Активно разворачивающийся в последние годы в России процесс национального самосознания подразумевает возвращение ко всему богатству отечественного идейного наследия, включая тексты и имена, которые были фактически исключены из сферы гуманитарного знания как в советский (марксистский), так и в постсоветский (либерально-прозападный) периоды российской истории. И, быть может, непредвзятого осмысления и реабилитации – более чем кто-либо – заслуживает наша выдающаяся соотечественница, основательница теософии Елена Петровна Блаватская.

Соответственно, наш первый тезис звучит следующим образом: Блаватская является одним из самых выдающихся деятелей культуры и мыслителей XIX века, оказавших огромное влияние на мировоззрение народов Востока и Запада, предугадавших многие последующие научные открытия, философские обобщения и культурные начинания.

ВКЛАД БЛАВАТСКОЙ В СИНТЕТИЧЕСКИЕ ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И В ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Прежде всего, следует напомнить, что во второй половине XIX века, когда складываются межимпериалистические противоречия, приведшие к двум разрушительным войнам XX века, в атмосфере нарастания классовой ксенофобии, расцвета европоцентристских и расистских идей, Блаватская провозглашает главной целью деятельности созданного при ее основополагающем участии теософского общества – достижение «Всеобщего Братства Человечества» независимо от цвета кожи, различия языков, религий и культур.

Эта цель прямо зафиксирована в программных манифестах и документах Теософского общества,

в том числе, в последней работе Е.П.Блаватской, в которой она суммирует основные положения теософии¹. Очень важно, что такое единение подразумевает сохранение людьми и странами их национальной, религиозной и культурной идентичности. Не случайно и сама теософская организация изначально была «интернациональна в самом высоком смысле, поскольку в числе ее членов – мужчины и женщины всех рас, вероисповеданий и образа мыслей, вместе работающие для одной цели – улучшения человечества»².

Такое единение в полной мере отвечает русскому соборному принципу единения людей, народов и культур, где все живут и работают вместе, но никто не теряет уникальных черт лица. Показательно, что Елена Петровна лично воплощала этот соборный идеал русского человека, сумев стать своей и для индийцев, и для американцев, и для простых англичан, и для сербов, стремящихся к освобождению от османского ига, и для сражавшихся за свободу Италии гарибальдийцев³. Но во всех своих удивительных странствиях по миру, событиях и испытаниях, которых хватило бы на несколько человеческих жизней, она всегда оставалась русской женщиной и считала себя по сути гражданкой России⁴, что отражено во фразе, вынесенной в эпиграф статьи⁵.

Однако соборное единение

¹ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. – М., 1993. – С.41.

² Там же. – С. 207.

³ Разве что английские колониальные власти Индии всегда видели в Блаватской русскую шпионку. См. о бескомпромиссно негативном отношении Блаватской к английскому колониализму в ее путевых очерках «Из пещер и джунглей Индостана». Она там с юмором замечает, что, «чем ближе к Гималаям, тем сильнее русский «домовой» душит по ночам всякого британского чиновника» (Блаватская Е.П. Из пещер и джунглей Индостана. – Киев, 1991. – С. 226).

⁴ Хотя и приняла американское гражданство для реализации своих целей.

⁵ См. о преданности основательницы теософии русской культуре, русскому языку и православию в объективных воспоминаниях и очерках ее биографии: Желиховская В.П. Радда-Бай: Правда о Блаватской. – М., 1992; Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П.Блаватской. – М., 1993. В частности, Блаватская всю жизнь выписывала многие российские газеты и журналы, хотя симпатии питала к консервативному русскому идейному лагерю, публикуясь в журнале «Русский Вестник» М.Н.Каткова.

человечества, преодоление его многочисленных цивилизационных, культурных и религиозных «меж» и «разломов» невозможно, по мысли Е.П.Блаватской, без опоры на принципиально новый синтетический подход к различным видам знания.

Здесь главными препятствиями выступают, с одной стороны, вульгарный материализм и позитивизм, а с другой, теологический догматизм⁶. Не будем забывать, что вторая половина XIX века характеризуется не только углублением социально-экономических и геополитических противоречий, но и нарастанием кризисных явлений в духовной сфере. В это время налицо упадок традиционных религий и нарастание межконфессиональных противоречий параллельно с возникновением нетрадиционных верований, культов и сект, в том числе увлечение европейской и русской интеллигенцией спиритизмом и магией.

С другой стороны, кризисные явления затронули и светское мировоззрение. Наука и техника явно обнаружили не только свой созидательный, но и разрушительный потенциал в виде активного срачивания с военно-промышленным комплексом и растущего «вклада» в загрязнение окружающей среды. Одновременно радикально изменился социальный и культурный статус ученого, когда он из учителя жизни с универсальным мировоззрением стал все более превращаться в узкого профессионала и наемного работника с ограниченным позитивистским мировоззрением.

В этих условиях иррациональное материалистическое безбожие стало оборотной стороной иррациональных религиозных верований, и обе этих тупиковые мировоззренческие крайности стали активно подпитывать друг друга. В результате с конца XIX столетия параллельно с безудержным ростом и унификацией технологического «тела» цивили-

⁶ См. Мэри К. Нэф. Указ. соч. – С.257.

зации станут нарастать процессы дезинтеграции духовной культуры человечества и противостояния ее различных сфер.

В противовес этим кризисным явлениям, – параллельно с исканиями русской религиозной философии, о чем речь впереди, – теософия наметит три важнейших линии духовного синтеза, которые, на наш взгляд, остаются абсолютно актуальными и сегодня, спустя сто пятьдесят лет после издания основных теософских трудов⁷.

Во-первых, это линия на синтез древнего и современного знания. Именно в трудах Е.П.Блаватской мы впервые встречаем не только полностью подтвердившуюся впоследствии идею, что «фольклор и народные традиции, хотя порою и странные, будучи, тем не менее, тщательно изученными, могут привести к открытию давно утраченных, но важных тайн Природы»⁸, но и единственно эвристическую методологическую установку, когда современный ученый должен подходить к исследованию древних знаний, с одной стороны, объективно и непредвзято, понимая, что окружающий мир и его законы бесконечно глубже и многообразнее существующего научного знания, а, с другой стороны, – рационально и во всеоружии современных экспериментальных средств, ничего не принимая на веру⁹.

Блаватская первая, еще задолго до начала систематических историко-научных исследований наследия Древней Индии, отметила выдающиеся достижения

⁷ Схожести мировоззренческих ответов на цивилизационные вызовы второй половины XIX века со стороны русской (В.С.Соловьев) и индийской религиозно-философской мысли (Свами Вивекананда), а также теософии (Е.П.Блаватская) посвящена работа: Иванов А.В. Культурная миссия Блаватской // Иванов А.В. Новый опыт «метафизики всеединства». – Барнаул, 2017. – С. 287–308.

⁸ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. – С. 49.

⁹ Подобные глубокие методологические фрагменты можно обнаружить даже во вроде бы «легких» по жанру путевых очерках «Из пещер и джунглей Индостана».

индийской науки в области математики и филологии, медицины и акустики¹, и, конечно, физиологии и психологии, связанных с традициями йоги. При этом она подвергала беспощадной критике спиритические верования в возможность общения с духами умерших и разного рода искусственные магические практики, убедившись на личном опыте в сопутствующих им заблуждениях и даже опасностях – как для духовного развития, так и нередко для психики.

В отличие от них, достижения индийской йоги, уходящие в глубь тысячелетий, есть результат внутреннего и естественного опыта овладения потенциалом собственного тела, психики и сознания, а потому они во многом могут быть доступны изучению европейскими экспериментальными средствами. Другое дело, что надо заслужить доверие посвященных в эти сокровенные духовные практики индийцев, дабы подобное изучение стало возможным.

«Отвергая вмешательство и даже всякое присутствие “духов” при известных столоверчениях и других явлениях, – пишет Е.П.Блаватская, – мы однако – особенно с тех пор, как живем в Индии – веруем в “дух” живого человека, в его могущество и прирожденные ему, хотя до сих пор и тайные (за весьма редкими исключениями), заглушенные способности; веруем, что во плоти, при известном образе жизни, дух – божественная искра – как бы потухает в человеке, если он ее не раздувает; наоборот, человек может развить в себе силу духа, совершая затем гораздо более удивительные для непосвященного зрителя феномены, нежели разоблаченные кикиморы спиритов. Если гимнастика способна не только удесятерять силу мускулов, придавая им чуть ли не сверхъестественную упругость и гибкость (как это мы видим в

знаменитых акробатах), то почему же при известном упражнении не развиваться так и “духу”? Мы верим также, ибо убедились, что эта тайна – неизведанная и отвергаемая нашими западными физиологами и даже психологами – хранится в Индии, где она наследственна и доверяется весьма немногим»².

Систематическое научное изучение практики йоги, завещанное нашей выдающейся соотечественницей, начинается только с XX столетия, хотя до сих пор здесь остается огромное количество проблем. Большие надежды на прорыв в этой сфере вселяет начавшееся в самое последнее время под покровительством Далай-ламы XIV сотрудничество мастеров буддийской йоги из южных штатов Индии с отечественными физиологами во главе с известным специалистом по мозгу С.В.Медведевым³.

Во-вторых, Блаватская намечает программу синтеза различных религиозных традиций, доказывая в своих многочисленных работах, что современные религии представляют собой лишь разошедшиеся в разные стороны ветви единого древнего пра-религиозного знания (Божественной пра-мудрости, откуда и происходит название теософии), бесконечно превосходящего их своей глубиной проникновения в тайны Вселенной и человека. Традиционные религии хранят лишь осколки этой Единой Истины. Труды основоположницы теософии, среди которых выделяется оставшаяся незаконченной «Тайная Доктрина», как раз и претендуют на посильное донесение до современного человечества элементов этих фундаментальных знаний, которые, по ее утверждениям, донныне сохраняются Великими посвященными (Махатмами), чьи ашрамы скрыты

² Там же. С. 129.

³ С промежуточными результатами этого исследования можно ознакомиться в недавно вышедшей книге: Кокурина Е.В. Тибетские закаты. В поисках тонкого сознания. – М., 2023.

в горных твердынях Тибета и Гималаев.

Вот как предельно лаконично формулирует Блаватская главный постулат теософии: «Не есть ли Теософия новая религия, спрашивают нас? Ни в коем случае; это не “религия”, также не “нова” ее философия, ибо, как уже сказано, учение это так же старо, как мыслящий человек... Никогда не было религиозного основателя... который изобрел бы новую религию или открыл новую Истину. Все эти основатели были... авторами новых форм и толкований, но истины, на которых их учения основывались, были стары, как само человечество»⁴.

Возникает закономерный вопрос: насколько реально существование такого синтетического праязнания и их посвященных носителей? Вопрос пока остается открытым, но огульно отрицать подобную возможность – значит становиться на позицию научного и философского обскуранта, не желающего слушать рациональные аргументы оппонента. А они, по меньшей мере, весомы.

Так, сама Блаватская, которая, по свидетельству множества очевидцев, лично обладала выдающимися трансцендентными способностями, демонстрировала и в своих печатных работах столь глубокие и новые знания из области естественных наук, древней истории, мифологии, философии и истории религий, которые приводили в изумление и восхищение специалистов из самых разных областей научного знания⁵.

Современные историко-научные исследования также доказывают очень высокий уровень знаний в древних цивилизациях, будь то астрономия, математика⁶

⁴ Блаватская Е.П. Тайная доктрина: синтез науки, религии философии. Т.1. – Новосибирск, 1992. – С. 22.

⁵ Многочисленные факты подобного рода тщательно собраны и приведены в едва ли не лучшей биографии Блаватской: Крэнстон С. Е.П.Блаватская. История удивительной жизни. – М., 2021.

⁶ Достаточно указать на знаменитый Антикитерский механизм, свидетельствующий о выдающихся достижениях греков в изучении и моделировании движений звездного неба.

¹ Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. – С.83, 40.

или медицина, а также находение явно искусственных и сложных артефактов в древних слоях Земли. Многие серьезные исследователи верят и в существование легендарной платоновской Атлантиды, жители которой владели глубочайшими научно-техническими знаниями. В ее реальности нисколько не сомневалась и Блаватская.

Наконец, у людей налицо не количественное, а именно качественное различие сознаний. Между сознанием не только папуаса папуаса из Новой Гвинеи, но и многих обывателей, и сознанием гениев, скажем, уровня Павла Флоренского или Владимира Вернадского, часто пролегал пропасть. Этот очевидный эмпирический факт, во всяком случае, наталкивает на одну из центральных философско-религиозных идей, которые утверждала Блаватская: эволюция не «слепая» и не сводится к своему биологическому аспекту; она прежде всего предполагает целенаправленное развитие Духа – или, в нашем понимании, нравственного разума и, в целом сознания¹. А это, в свою очередь, влечет за собой качественное изменение организма, раскрытие его громадных латентных возможностей.

Но отсюда логично предположить наличие столь развитых в интеллектуальном, этическом и коммуникативном отношении личностей, что они намного превосходят средний уровень сознания современных жителей Земли. И это не только теоретический вывод: более чем достаточно свидетельств не только о контактах Блаватской с подобными выдающимися личностями, но и о проявлении их действительно феноменальных способностей и качеств.

Не будем останавливаться на этой, весьма интересной и важ-

ной теме, так как она требует углубленных обсуждений и дискуссий. Перейдем к третьей линии синтеза знаний, намеченной Блаватской и, опять-таки, очень близкой русской религиозной философии. Имеется в виду направленность на синтез науки, философии и религии. Она тесно связана с двумя выделенными выше направлениями синтетических когнитивных исканий теософии.

С точки зрения теософии, в исходной древней Пра-мудрости (или знании о Единой Творящей Пра-Мысли) религиозный, философский и научный типы знания находились в органическом единстве. Разделение сфер духовной культуры, а также дробление и последовавший за этим упадок религий и философских школ произошли позднее. Любопытно, что этот исторический упадок коснулся и науки, которая, несмотря на весь свой видимый научно-технический прогресс, в XIX веке погрязла в догматическом материализме, атеизме и позитивизме. Блаватская прямо пишет в «Тайной Доктрине», что «современная наука есть лишь искаженная Древняя Мысль и не более»².

Соответственно, ни наука, ни одна из мировых религий, будь то христианство, буддизм или ислам, и ни одна из существующих философских школ³ не сохранили потенциал древнего знания во всей его чистоте и глубине, а в той или иной форме его исказили и огрубели. Следовательно, ни одна из этих сфер духовной культуры не может претендовать на исключительное владение Истиной, на право выступить духовным основанием возможного универсального синтеза знаний.

² Блаватская Е.П. Тайная доктрина. – С. 721.

³ В наибольшей степени древнюю Истину, по мысли Блаватской, из религий сохранил буддизм, а из философских школ адвайта-веданта, т.е. не Запад, а Восток и прежде всего Индия. Во многом благодаря этому первоначальная деятельность теософского общества развернулась именно в Индии, и там же в окрестностях Бомбея (ныне Мумбаи) была размещена его штаб-квартира.

Эти древние единые основания должны быть сегодня творчески реконструированы систематическими и совместными усилиями религиозной, научной и философской мысли, где результаты трансцендентного религиозного опыта проверяются, по возможности, экспериментальными методами и концептуализируются в теоретических моделях науки при обязательном участии синтетического и непредвзятого философского мышления.

При этом возвращение на новом уровне к единым корням Пра-знания, по мысли теософии, не будет буквальным, механическим и школярским. Наоборот, оно будет означать качественное приращение знания и обнаружение все новых аспектов Единой Истины. Поэтому теософия во все не претендует на исчерпывающее раскрытие современным людям этого древнего Знания во всей его полноте. Вся Вселенная, по мысли Блаватской, пребывает, как уже сказано, в постоянном эволюционном изменении и обновлении, где «вечное возвращение» невозможно в принципе. Теософия лишь приоткрывает дверь в забытое прошлое мира знаний и ставит вехи для будущих путей познания, поскольку число граней Единой Истины бесконечно, как бесконечно многообразны проявления единых законов Космоса.

Такова общая синтетическая программа теософии с ее знаменитым лозунгом: «Нет религии выше Истины».

Любопытно, что активно разворачивающийся ныне диалог между учеными, философами и религиозными деятелями⁴ – прямая верификация идей Е.П.Блаватской, высказанных тогда, когда это принималось в штыки как материалистической

⁴ См. целую серию довольно интересных материалов Международных рождественских образовательных чтений под названием «Христианство и наука». Аналогичный диалог между религией и наукой ведется в рамках и буддийской, и исламской традиций. См. также нашумевшие работы с показательными названиями: Ф.Капра «Дао физики» и Б.Липтон «Биология веры».

наукой, так и носителями религиозного мировоззрения. Попытка осмыслить эти новые синтетические тенденции и сформулировать принципы диалога различных сфер духовной культуры предпринята в коллективной монографии «Наука и религия: нераздельность и неслиянность»¹.

Здесь возникает вопрос: каковы были практические результаты Теософского общества?

Мы уже отметили выше, что Восток и особенно Индия стали главным местом активной деятельности Теософского общества. В Индию его руководство переехало в 1879 году, хотя само оно было официально учреждено и действовало на территории США с 1875 года. Лично же Блаватская не раз посещала Индию и Тибет в предыдущие годы. В 1865–1866 годах она жила в тибетских монастырях, непосредственно ознакомившись с самыми эзотерическими духовными практиками буддизма. Именно благодаря ее аутентичному знанию индийских и тибетских религиозно-философских традиций² Теософскому обществу удалось вполне успешно решить изначально поставленную в его программных документах двуединую задачу (как бы, повторимся, лично ни относиться к теософскому учению): способствовать возрождению национального самосознания Индии и показать европейскому человечеству глубины древней индийской мудрости.

¹ Наука и религия: нераздельность и неслиянность / под ред. А.В.Иванова и И.В.Фотиевой. – Барнаул, 2023.

² До Е.П.Блаватской таким аутентичным знанием мог похвастать только выдающийся венгерский востоковед Чома де Кереш, прошедший в 20–30 годы XIX века несколько лет в монастырях Западного Тибета, составивший словарь и грамматику тибетского языка и впервые открывший для европейцев богатство тибетской книжной традиции. К нему Блаватская относилась с глубочайшим уважением. Жизни и творчеству Чома де Кереш на русском языке посвящены краткий художественный очерк Л.В.Шапошниковой: Шапошникова Л.В. Жизнь и смерть Чома де Кереша. URL: https://www.roerichs.com/Publications/LVShaposhnikova/LV_ChomaDeKeresh.htm, а также научная статья: Гунский Алексей. Александр Чома де Кереш (1784–1842) и начало научной тибетологии // Религиоведческие исследования. – 2022. – №2 (26). – С. 43–63.

Так, сохранилось большое количество исторических свидетельств и отзывов выдающихся культурных и политических деятелей Индии о той огромной роли, которую сыграло теософское движение и личность самой Блаватской в освобождении Индии от колониального духовного рабства и возвращении этой великой цивилизации к своим историческим корням.

Активными членами Теософского общества стали представители разных религиозных течений Индии и многие местные ученые-пандиты. Они все отдавали должное выдающимся познаниям Блаватской в области индийской истории, философии, мифологии и религии³. В Теософское общество также вступили многие молодые индийские интеллектуалы, получившие до этого сугубо материалистическое и позитивистское образование в британских университетах Индии, которые только через чтение издаваемой Теософским обществом литературы, в том числе журнала «Теософист», приобщились к национальной духовной традиции. Впоследствии из их числа вышли многие выдающиеся ученые и борцы за независимость Индии.

В частности, огромное влияние Теософское общество оказало на молодого тогда Махатму Ганди. Благодаря контактам с теософами он впервые прочитал «Бхагавадгиту», а лично познакомился с Блаватской в 1889 году⁴ и на всю жизнь сохранил о ней самые теплые воспоминания.

Крупнейший историк индийской философии, второй президент Индии С.Радхакришнан писал в 1949 году: «Когда в результате разного рода политических кризисов мы, индусы, усомнились в ценностях и состоятельности нашей культуры, когда всё, окружающее нас, в том числе светское образование, казалось,

³ См. об этом влиянии в работе: Крэнстон С. Указ. соч. – С. 158–165.

⁴ Там же. С. 163.

умаляет значение индийской культуры, теософское движение сослужило нам огромную службу, отстояв эти ценности и идеи. Едва ли возможно в полной мере оценить влияние, оказанное теософским движением на индийское общество»⁵.

Благодарную память о выдающемся вкладе теософского общества и лично Блаватской в духовное самосознание Индии сохранили даже последователи ислама. Выдающийся мусульманский поэт и мыслитель XX века Мухаммад Икбал, подготовивший идейную почву для создания независимого Пакистана, писал об основательнице теософии как о женщине, «обладающей удивительным знанием древнего символизма»⁶. О роли теософии в обретении индийцами их национальной идентичности говорит и факт постоянных преследований теософов со стороны колониальной британской администрации с постоянной клеветой в отношении Блаватской как «русской шпионки»⁷. Крайне негативно относились к теософии и европейские католические миссионеры в Индии, особенно иезуиты.

К сожалению, и русские, которые имеют все основания гордиться своей выдающейся соотечественницей в деле укрепления российско-индийских связей, или до сих пор ровным счетом ничего о ней не знают, либо бездумно тиражируют старые клеветнические измышления о Блаватской, на чем ниже мы остановимся специально.

Есть также все основания утверждать, что во многом благодаря трудам Блаватской, особенно «Разоблаченной Изиде» и «Тайной Доктрине», древнее религиозно-философское наследие Востока стало восприниматься на Западе не как набор архаических мифологических текстов и иррациональных религиозных

⁵ Цит. по: Крэнстон С. Указ. соч. – С. 159.

⁶ Икбал Мухаммад. Реконструкция религиозной мысли в исламе. – М., 2002. – С.92.

⁷ Крэнстон С. Указ. соч. С. 169–170.

верований, а, во-первых, как огромный пласт фундаментальных научных знаний, лишь облаченных в символическую форму, требующих для своего адекватного усвоения серьезных и профессиональных герменевтических усилий; и, во-вторых, как полноправную и исключительно глубокую часть мирового философского и культурного наследия. Благодаря Блаватской Восток наконец открылся Западу не в роли забитого и невежественного ученика, а как мудрый учитель с текстами исключительной метафизической и психологической глубины и силы. Она писала, демонстрируя прекрасное знание разных индийских философских школ,¹ что «философия Индии, раздробленная на бесчисленное множество метафизических учений, имеет в связи с ее онтологическими доктринами столь развитую логику и такой замечательной утонченности психологию, что может поспорить в этом со всеми древними и современными школами как идеалистов, так и позитивистов, и побить каждую поодиночке»².

Недаром к Блаватской в конце ее жизни как к выдающемуся ученому-ориенталисту обращались за советом и профессиональные философы, и историки, и филологи, и культурологи, занимающиеся Индией, а с тогдашним светилом мирового религиоведения и индологии Максом Мюллером она много лет вела полемику и почти всегда оказывалась правой, ибо знала предмет изнутри, а не извне, как он, не абстрактно. Она писала: «Не раз приходилось мне на этих страницах категорически заявлять, что я не имею ни малейшего притязания соперничать с уче-

ными этнологами и филологами; но, невзирая на их авторитетные заключения, все же не могу удержаться, чтобы не противоречить им на каждом шагу, замечая, как часто и насколько их выводы, столь по-видимому логические и блестящие вне Индии, делаются слабыми и неправдоподобными для того, кто изучает страну на месте...»³

Призыв Блаватской изучать восточную культуру не книжно и умозрительно, а с опорой на личный опыт, на непосредственное и непредвзятое «вживание» в историю, культуру, природу и психологию азиатских народов – вызвал настоящее «паломничество в страну Востока», если использовать название известной повести Германа Гессе, в том числе и желание многих европейцев лично прикоснуться к сокровенному ведению легендарных индийских учителей-Махатм, о которых писала Блаватская. Не обошлось и без трагико-комических случаев. Так, английский исследователь Аустин Уоддель, который был участником британского вооруженного вторжения в Тибет и захвата Лхасы в 1903–1904 годах, сетует на то, что обнаружить хранилища сокровенных древних рукописей и войти в контакт с легендарными Махатмами, о которых писала Блаватская, англичанам не удалось. Более того, на прямой вопрос Далай-ламе, знает ли он о существовании Махатм и древних знаний, тот ответил англичанам отрицательно⁴. На основе этого он счел возможным прямо обвинить теософию в выдумках.

Но англичанину с типичным европоцентристским сознанием надо было внимательнее читать труды Блаватской. Та прямо писала: «История Индии давно исчезла из памяти ее сынов, она совершенно неизвестна ее заво-

евателям; но она несомненно существует, хотя, быть может, и в растерзанных частях, в тщательно оберегаемых от европейского глаза рукописях. Недаром брамины, в редкие минуты дружеских излияний, иногда проговаривались. Так, не раз уже упомянутому мною англичанину Тоду старый махант (настоятель) некоего древнего храма-монастыря раз заметил: “Не теряй времени, сааб, в напрасных розысках: Индия беллати (Индия иностранцев, англичан) пред тобою, гупта Индию (то есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители ее тайн, скорее отрежем язык друг у друга”»⁵.

Однако Блаватская открывает Индию не только для Запада, но и для своей Родины – России. Ее книга «Из пещер и дебрей Индостана» печаталась в газете «Московские ведомости» и в журнале «Русский Вестник» Н.М.Каткова, начиная с 1879 года, а в 1883 году вышла отдельной книгой. Она является художественным произведением, соединяющим в едином повествовании опыт путешествий Блаватской по Индии, полна тонких этнографических наблюдений, глубоких культурологических и философских размышлений. Одновременно эта книга, особенно в своей последней части, является изложением ключевых метафизических и антропологических положений самой теософии, вложенных в уста Такура (Гулаб-Синга), мудреца и проводника путешествующих теософов по сокровенным странствам индийской мудрости.

Написанная прекрасным литературным языком, книга Блаватской стала подлинным открытием для русского читателя, открывающего для себя далекую и вместе с тем удивительно близкую и братскую страну, о чем говорили еще славянофилы, особенно В.С.Хомяков⁶. О близости

¹ Непредвзятый профессионал-философ, знакомый с индийской философией, почувствует это уже с первых страниц ее книги «Из пещер и дебрей Индостана». См., например, ее интерпретацию понятий «парабрамана», «пуруши» и «пракрити» в буддизме школы йогачарьев, в адвайтистской веданте и в сангхье, да еще и с элементами их компаративистского анализа. См. Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. – С. 159–160, 158–169.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 189–190.

⁴ См. Аустин Уоддель. Лхаса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903–1904 года. – С. Петербург, 1906. Глава XX. Чай у правителя Тибета, регента. [https://ru.wikisource.org/wiki/Лхаса_и_ее_тайны_\(Уодделл\)/ДО](https://ru.wikisource.org/wiki/Лхаса_и_ее_тайны_(Уодделл)/ДО)

⁵ Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. – С. 59.

⁶ См. его знаменитые языковые параллели между русским и санскритом в «Семирамиде» и выводом о том, что «мысль индустанская и быт славянский, братья,

России и Индии не раз говорит в своей книге и Блаватская, однако, в отличие от своих предшественников, она вживую слышит в звучании индийской речи русские слова и корни, обнаруживает в индийских исторических рукописях сведения о своем далеком предке из рода Долгоруких, волею исторических судеб заброшенном в Индию во времена правления великого императора Акбара и даже оказавшем на ее развитие определенное влияние¹.

О том, насколько книга Блаватской была нова и необычна не только для широкой общественности, но и для ученых-востоковедов в России, свидетельствует тот факт, что первая кафедра санскрита в России открылась в Казанском университете только в 1841 году, издание семитомного «Петербургского санскритского словаря» осуществлялось в период с 1855 по 1875 годы, а первая научная экспедиция в Индию выдающегося отечественного индолога и буддолога И.П.Минаева состоялась в 1874–1875 годах², то есть когда Блаватская уже несколько раз посетила Индию и прошла обучение в тибетских монастырях.

Казалось бы, по прошествии более ста тридцати лет после смерти основательницы теософии хотя бы нынешние русские люди должны были отдать должное этой выдающейся женщине, прожившей исключительную по своим странствиям и свершениям жизнь, влияние которой испытали на себе такие люди, как изобретатель Т.А.Эдисон, художник В.В.Кандинский, композитор А.Н.Скрябин, английский поэт, лауреат Нобелевской премии У.Б.Йейтс. «Тайная доктрина», по свидетельству его племянницы, лежала на рабочем столе

А.Эйнштейна. Однако и поныне вокруг имени и творчества Блаватской роится туча злобедных предубеждений, мифов и откровенной клеветы, причем отношение к ней на Родине сегодня хуже, чем на Западе.

ОБЪЕКТИВНЫЕ СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ, ИДЕЙНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ И КЛЕВЕТА, СВЯЗАННЫЕ С ТЕОСОФИЕЙ

Жизнь и творчество Блаватской приходится не только на начальный период вступления человечества в эпоху глобального кризиса, который, кстати, вовсе не преодолен, а только продолжает углубляться³; но и на время в России, которое получило название «серебряного века», хотя для русской философии, как справедливо указывают многие авторы, он является воистину «золотым».

Возникает закономерный вопрос, почему труды Блаватской оказались подверженными неприятию и осуждению со стороны представителей не только позитивистских и материалистических учений, но и русской религиозной философии?

Если с первыми все более или менее понятно, то в области религиозно-философских исканий в России того времени, связанных с попытками обновить и расширить православное мировоззрение, наметить новые пути синтеза религии, философии и науки, теософские идеи, казалось бы, должны были встретить если и не сочувственное отношение, то, по крайней мере, желание поглубже с ними ознакомиться. Да и растущий со второй половины XIX века в России интерес к восточной культуре также вроде бы

должен был вызвать интерес к теософским исканиям и культурно-просветительской деятельности Блаватской, как это произошло на Западе. Нельзя сказать, что в России совсем уж не заинтересовались теософскими идеями: возникла российская ветвь Теософского общества, а перу одной из ее наиболее одаренных членов Е.Ф.Писаревой принадлежит доброжелательный и объективный очерк жизни и творчества Блаватской, опубликованный в 1910 году⁴. Однако стена предубеждения против Блаватской, возникшая в те далекие годы, продолжает оставаться нерушимой вплоть до сию пору.

Попробуем разобраться в причинах такого неприятия, учитывая, что без полноправного включения Блаватской в список наиболее выдающихся отечественных философов и культурологов, – история русской мысли осуждена оставаться принципиально неполной и тенденциозной, хотя именно отражение «разноликости» русской философии, по верному замечанию М.А.Маслина⁵, является важнейшей задачей ее профессиональных историков.

Начнем с вполне объективных причин подозрительного отношения к теософии в дореволюционной России.

Во-первых, и на это прямо указывает в своей работе Е.Ф.Писарева, лишь небольшое число работ Е.П.Блаватской было переведено на русский язык⁶. В их число, помимо «Из пещер и дебрей Индостана», входит «Голос Безмолвия» и «Загадочные племена на “Голубых горах”». Основные работы Блаватской

которые обличают братство свое полным тождеством форм словесных и логически стройным их развитием из общих корней» (Хомяков А.С. Соч. в 2-х т. Т.1. Работы по историософии. – М., 1994. – С. 363.

¹ Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. – С.187–190.

² См. Рерих Ю.Н. Индология в России // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т.1. – Самара, 1999. – С. 173–199.

³ Этому посвящен целый ряд коллективных трудов, в которых принимали участие авторы. См.: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. – Барнаул, 2010; Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. – Барнаул, 2022.

⁴ Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская // Вестник Космической эволюции. Сборник статей. – Тверь, 2012. – С. 17–81. В самом начале своего труда Е.Ф.Писарева с горечью и констатирует: «Трудно себе представить что-либо необычайнее и несправедливее того упорного непонимания и даже враждебности, с которыми русское образованное общество продолжает относиться к своей гениальной соотечественнице Елене Петровне Блаватской» (Там же. С. 17).

⁵ Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. – СПб., 2017.

⁶ Писарева Е.Ф. Указ. соч. – С. 18.

«Разоблаченная Изида», «Тайная Доктрина» и «Ключ к теософии» на русском языке в России не издавались вплоть до конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Читать ту же «Тайную Доктрину» и на русском языке крайне тяжело, а на английском языке и подавно¹.

Во-вторых, следует прямо сказать, что тематика и язык основательницы теософии не только сто тридцать лет тому назад, но и сегодня могут вызвать шок у неподготовленного читателя. В них излагается такая картина мира, которая противоречит не только нашему повседневному чувственно-телесному («пещерному», говоря языком Платона) опыту, но во многих отношениях и нынешней научной картине мира. В основе Вселенной, по Блаватской, лежит многоуровневая и динамичная духоматериальная субстанция, где нет «мертвой» материи, но все исполнено жизни и со-знания – от мельчайшего атома до высочайших творцов нашей Вселенной (Логосов, или Дхиан-Коганов), и где важнейшей творящей эволюционной силой является Мысль².

Не меньше вопросов может вызвать теософское антропологическое строение человека, развивающее традиционные представления индийской философии. Согласно им, человек представляет собой целостный семиуровневый «сверх-организм», включающий как физическое тело, так и тонко-материальные/энергетические «тела», сложно связанные между собой и со всей духоматериальной Вселенной. Резкий внутренний протест у современных исследователей вызывает также тезис, что подобные глубинные метафизические и метаспсихологические знания хранятся посвященными (Учите-

лями человечества) в сокровенных ашрамах труднодоступных горных уголков нашей планеты и с определенной периодичностью передаются лишь людям с высоким уровнем сознания, способным их адекватно воспринять (обладающим трансцендентными визионерскими и умозрительными способностями и, разумеется, высочайшей нравственностью и предельной ответственностью).

При этом лично посвященная в эти сокровенные знания Блаватская передавала их небольшую часть человечеству не затем, чтобы люди мгновенно отказались от традиционных религий или от господствующей на данный момент научной картины мира. И уж тем более не для того, чтобы они сделали своей главной жизненной задачей достижение этих трансцендентных (окультурных, или парапсихологических – термин здесь не так важен) способностей. От самоценной погони за чудесами йогов и за так называемыми «феноменами» Блаватская настойчиво предупреждает во всех своих основных работах. Главная задача человека – его естественная духовная эволюция, прежде всего нравственная, и деятельность на общее благо. Феномены же типа ясновидения и телекинеза – закономерные сопутствующие психофизические следствия этой космической эволюции человека.

«Эгоизм, безразличие и жестокость, – пишет Блаватская, – никогда не могут быть нормальным состоянием расы... Прогресса можно добиться, и только добиться, развитием более благородных качеств»³.

Еще раз подчеркнем, что мы не собираемся давать здесь оценку содержательным идеям теософии, а просто пытаемся объективно очертить ее замысел и сложность его восприятия человеком, который о таких «материалах» никогда прежде не задумывался.

³ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. – С. 210.

Сложность и глобальность проблем, которые обсуждает теософия, отражаются в исключительной сложности и многосоставности ее языка. В нем используются и классический всеобщий категориальный язык философии, позволяющий ставить и решать всеобщие метафизические проблемы (причина-следствие, абсолютное-относительное, единое-многое, сущность-явление и т.д.); и специфически восточные метафизические категории, которым до сих пор не так-то просто найти адекватную рациональную интерпретацию: парабраман, мулапраkritи, акаша, атма, буддхи, упадхи, дхьяни-будда и т.д.; эзотерические понятия, которые практически не встречаются даже в традиционном восточном философско-религиозном дискурсе: принцип, план бытия, элементал, фохат, лайя-центры; и привычный нам язык науки – атомы, излучения, вибрации, эфир, наследственные признаки, естественный отбор; и, наконец, язык древней мифологической символики, который парадоксально уживается в теософских текстах с четырьмя предыдущими типами языков. Это объективно ставило и до сих пор ставит очень сложные задачи перед всеми, кто обращается к теософским текстам.

В-третьих, надо честно признать, что сама Елена Петровна обладала специфическим мышлением, которое мало соответствовало классическому линейно-дискурсивному стилю европейского философского и научного мышления. Скорее, его можно назвать синархическим типом мышления, если использовать терминологию П.А.Флоренского⁴, где темы

⁴ См. Флоренский П.А. Пути и средоточия // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. – М., 1990. – С. 29–30. Отец Павел, пожалуй, наиболее близок Блаватской по эрудиции и стилю своего мышления среди всех русских религиозных философов. Косвенно влияние теософских идей можно обнаружить во многих его сочинениях, особенно в неопубликованных при жизни лекциях «Культурно-историческое

¹ На русский язык первый том «Тайной доктрины» под названием «Космогенезис» был переведен Е.И.Рерих и издан в Риге в 1937 году.

² Рациональные аргументы в пользу обоснованности такой «онтологии мысли» приведены в коллективной монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. – Барнаул, 2021.

и термины ведут между собой сложный многоуровневый диалог, поворачиваются разными аспектами и нюансами, то исчезают, то появляются в тексте вновь, помогая (а иногда и сильно мешая!) пониманию многоуровневой и наисложнейшей динамической космологической и антропологической картины реальности, которая разворачивается в теософских текстах Блаватской, особенно в «Тайной Доктрине».

Следует также иметь в виду, что тексты «Тайной Доктрины» и «Ключа к теософии» Блаватская писала уже смертельно больной, торопясь донести до читателей необходимые знания. Отшлифовать язык и логически упорядочить текст основоположница теософии попросту не успела. Можно предположить, что если бы у Блаватской оставалось жизненное время, то ее книги были бы существенно более ясными и доступными для интересующего понимания. Впрочем, при обращении к теософским текстам, носящим синтетическую и синархическую природу, всегда полезно опираться не только на философский разум, но и на интуицию и на умозрение, дабы попытаться не просто рационально понять, но и посылно увидеть, почувствовать ту сложную предметность, о которой там идет речь.

Важно также опираться на один из важных законов герменевтики, известных не только философам, но и искусствоведам: чем дольше и внимательнее вчитываешься в по-настоящему глубокий текст или всматриваешься в по-настоящему талантливую картину, тем более глубокое и объективное содержание начинается в них открываться и как бы говорить само за себя.

И, конечно, при чтении книг

место и предпосылки христианского миропонимания». Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2). – М., 1999. Думается, что плодотворные сравнительные исследования творчества Блаватской и П.А.Флоренского еще впереди. Своими соображениями на эту тему мы еще поделимся ниже.

Блаватской, особенно «Тайной Доктрины», надо отдавать себе ясный отчет в том, что какие-то идеи и смыслы, которые не понятны сегодня, могут открыться завтра, а какие-то, если не быть излишне самонадеянными, станут доступными только нашим потомкам при соответствующем уровне развития науки, культуры и, главное – развития более высоких способностей сознания.

В-четвертых, и этот момент требует особенно серьезного анализа: на негативное отношение к Блаватской и к теософии сильно повлияли исторические и церковно-религиозные предрассудки.

Повторимся: именно вторая половина XIX и особенно начало XX века в России – это время, с одной стороны, нарастания обрядовости и догматического начетничества в деятельности православной церкви, а, с другой, как реакция на религиозный застой, – возникновение многочисленных религиозных и оккультных сект, расцвет спиритизма, колдовства и даже черной магии. Широкое распространение уже в XX веке приобретают в России антропософские идеи Штайнера, во многих отношениях прямо противоположные идеям Блаватской. Это касается его личных претензий на роль всеведущего учителя и сознательная ориентация слушателей своих многочисленных лекций, читавшихся по всей Европе как раз на самоценное обретение оккультных способностей. Его идеями особенно увлекались в России Максимилиан Волошин и Андрей Белый. Последний, считавший себя учеником Р.Штайнера, был сознательным противником теософии, упрекая ее в отсутствии рациональности и критических методов, а потому и «бесплодности», в отличие от «строгих построений» Штайнера¹.

В этих условиях труды Блаватской, без знакомства с ее ключевыми текстами и при до-

¹ Белый А. Эмблематика смысл а// Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 89.

полнительных осложняющих обстоятельствах, речь о которых впереди, – были однозначно отнесены большинством русских православных философов к «магии», а теософия и антропософия большинством из них отождествлялись. Так Н.А.Бердяев в «Философии свободного духа» посвящает им целую главу «Теософия и гнозис», где говорит, что Штайнер – «самый замечательный из теософов»², а в целом обе – и «теософия и антропософия антиперсоналистичны»³.

Не различают теософию и антропософию как П.А.Флоренский⁴, так и С.Н.Булгаков. Последний именует их общим словом «окультизм» в «Свете невечернем»⁵. Теософию – хотя ни одной ссылки на работы Блаватской у него нет – он квалифицирует в целом как «рационалистическую безвкусицу». Это вполне справедливо относительно субъективистских и никак не обоснованных миросхематик Р.Штайнера, но точно не имеет ничего общего с трудами Блаватской, в которых как раз часто прорывается ее неукротимая эмоциональная натура, много художественных образов и интуиций, а рационализаций как раз часто и не хватает.

Вот характерный образец рассуждений С.Н.Булгакова, где, к сожалению, вместо объективного анализа теософских идей присутствуют сплошные оценочные суждения. «Теософия притязает... быть заменой религии, – пишет С.Н.Булгаков, – гностическим ее суррогатом, и в таком случае она превращается в вульгарную псевдонаучную мифологию. Она эксплуатирует мистическое любопытство, люциферическую пытливость холодного не-

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 177.

³ Там же. С.182

⁴ Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2). – М., 1999. – С. 453.

⁵ Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М., 1994. – С. 36.

любящего ума»¹.

Здесь С.Н.Булгаков неправ буквально во всем. Во-первых, теософия никогда не претендовала на замену религии, о чем уже писалось выше, а лишь стремилась выявить единые истоки и глубинное духовное родство различных религий. Во-вторых, Блаватская как раз предупреждала против всех форм магии и плоскоматериалистической «люциферической пыглivosti» научного ума, которые к концу XIX столетия начали сближаться. Об этом, кстати, пронизательно писали и Н.А.Бердяев, и сам С.Н.Булгаков в «Философии хозяйства», но оба не заметили, что... повторяют один из центральных тезисов самой теософии.

И уже откровенно несправедливыми выглядят сегодня выпады С.Н.Булгакова против эволюционных идей теософии, где «абсолютное для этого радикального эволюционизма существует лишь в качестве возможности беспредельного движения, т.е. “дурной бесконечности”, между тем как религия имеет дело с положительной бесконечностью, с трансцендентным и абсолютным Богом, подающим нам вечную жизнь, упокояющим и спасающим от распятого колеса “дурной бесконечности”, этой бешеной ненасытной “эволюции”»².

Теософию, как уже сказано, действительно правомерно назвать одной из первых доктрин глобального эволюционизма, где были осмыслены законы и цели индивидуальной, планетной и космической эволюции в их единстве, но как раз последовательно подчеркивалась принципиальная трансцендентность духовных истоков мировой жизни.

Это, при всех ее дискуссионных и пока умозрительных моментах, всегда уберегало теософию от соблазнов и антропоморфной трактовки Абсолюта (чем всегда страдало именно христианское богословие) и быстрого достижения

целей индивидуального человеческого бытия в Космосе – в виде возможности попадания среднестатистического обывателя в Царство Божие после одной-единственной, но часто совершенно бесцветно и бездарно прожитой земной жизни.

Здесь пора коснуться принципиальных расхождений между теософией и христианским мировоззрением, причем даже у самых утонченных и свободно мыслящих его носителей, типа П.А.Флоренского и Н.Н.Бердяева. Они касаются в первую очередь законов перевоплощения, кармы и общей трактовки человеческой личности. Наиболее зримо эти расхождения видны на примере бердяевской критики теософии.

Сначала отдадим должное Н.А.Бердяеву. Он пытается сохранить объективность в оценке теософии, усматривая ее положительное содержание в том, что она поставила важную задачу синтеза науки, философии и религии; обратилась к проблемам космологии, чем практически не занималась христианская религиозно-философская мысль; а также обратила внимание на существование непознанных оккультных сил в природе и человеке, что оставалось и остается вне поля зрения официальной науки³.

При этом русский философ не голословен. Он знает о знаменитой книге французского психолога Ш.Рише, который впервые собрал (не без прямого влияния теософии!) многочисленные примеры парапсихологических феноменов, типа телекинеза, телепатии, проскопии и материализации предметов⁴. Однако эта правда теософии, по

³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 190–191.

⁴ См. Riche C. Thirty Years of Physical Research. N.Y., 1923. Конечно, не может не удивлять ситуация, когда огромное количество современных философов и психологов продолжают упорно отрицать существование трансцендентных способностей сознания вопреки «монблану фактов» об их реальном наличии вместо того, чтобы искать им рациональное объяснение. Здесь со времен работ Блаватской и Бердяева мало что изменилось. Псевдорационалистические научно-философские предрассудки и верования в этом плане ничуть не лучше и не продуктивнее иррациональных религиозных верований и предрассудков.

Н.А.Бердяеву, есть только соблазн для христианского сознания, так как она знает только объективные природные (точнее сказать, метаприродные) законы кармы и реинкарнации, но не знает христианской любви, тайны и благодати⁵; признает только безликую «дурную» эволюцию с бесконечным унылым перевоплощением⁶, но не ведает уникальности, неповторимости и свободы отдельной личности, причастной к Божественной Вечности⁷.

Приговор Н.А.Бердяева теософии звучит грозно: «Теософия претендует на очень серьезный синтез, но в действительности она по преимуществу аналитична, анатомична, – она раздирает ткани живого тела и препарирует их... В этих схемах, которые нужно заучивать наизусть, есть жуткая мертвенность. Теософия дает схематически чертежи трупа мира, в котором все разложено на составные части. Тайны же сложения этих составных частей в живое тело, в целостный организм теософия не знает. Теософия есть не синтез религии, философии и науки, а смешение их, при котором нет ни настоящей религии, ни настоящей философии, ни настоящей науки»⁸.

Н.А.Бердяев, как это с ним частенько бывало, скорее стилистически блестящ, нежели метафизически глубок. С точки зрения теософии как раз целостный духовный Замысел о мире в Уме Логосов (или Космических Зодчих)⁹ предшествует появ-

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – С. 184–185. Он даже упрекает теософию в ветхозаветном законничестве.

⁶ Там же. С. 181, 183. В этом пункте критики Н.А.Бердяев смыкается со своим давним оппонентом С.Н.Булгаковым.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Там же. С. 191–192.

⁹ Проблема всех трудов Блаватской – это употребление большого количества специфических восточных терминов без их строгих разъяснений, причем разными именами часто обозначаются одинаковые сущности; а один и тот же термин, типа «фохата» или «махата», несет большое количество различных смысловых оттенков и по-разному употребляется ею в разных контекстах. В этом плане настоятельная задача будущих непредвзятых исследователей теософии – создание подробного теософского словаря с указанием различных смыслов базовых категорий теософии. Он особенно важен для правильного понима-

¹ Там же. С.37.

² Там же. С. 37–38.

лению множества космических форм, а действие единых законов Вселенной (кармы, реинкарнации и иерархии) формирует и организует эту живую, а не мертвенно-механическую, множественность мира. Более того, части Космоса, созданного и направляемого совершенной Мыслью, обладают свободой и автономией (особенно разумные существа), в индивидуальную и неповторимую жизнь которых, как раз согласно закону кармы, недопустимо механически и волюнтаристски вторгаться, дабы не нарушить целостность мирового бытия.

Отметим, что мы не занимаемся здесь апологией теософии, а лишь показываем, насколько «очки» мировоззренческих предрассудков – даже у самых выдающихся мыслителей – могут оказывать искажающее влияние на восприятие чужих идей.

Далее мы постараемся показать, что глубокие переключки между теософией и русской религиозной философией все же существуют, и между ними вполне мог возникнуть взаимно критический, но продуктивный диалог.

В современном же мировоззренческом контексте знание подобных смысловых переключек и близость некоторых фундаментальных ходов метафизической мысли может, с одной стороны, помочь обрести более панорамное историко-философское видение отношений между теософией и русской религиозно-философской традицией (несмотря на всю их разноликость), а, с другой, – сориентировать в правильном направлении современные синтетические искания и научной, и философской, и широкой богословской мысли.

Этому будет посвящена третья часть данной работы, а пока вкратце остановимся уже не на объективных причинах предвзятого отношения к теософии и лично к Блаватской, а на негативных факторах сугубо личностного и

ния «Тайной Доктрины».

субъективного характера, имея которым – сознательная клевета.

Клевета сопровождала Блаватскую всю ее жизнь. Каких только ярлыков ни удостоилась она от своих недругов. Ее обзывали и «шарлатанкой», и «авантюристой», и «мистификатором», и «агентом русской разведки». Даже двоюродный брат Блаватской, известный государственный деятель С.Ю.Витте, и тот под конец жизни оставил о ней очень противоречивые воспоминания – то говоря, что она обладала многими удивительными талантами (свободно говорила на многих европейских языках; писала длинные письма стихами; нигде не обучаясь, свободно писала статьи на разные научные темы и прекрасно играла на фортепиано, давая концерты в Лондоне и Париже), то утверждая, «что в ней было что-то демоническое ... что-то чертовское, хотя в сущности она была очень незлобивым, добрым человеком»¹. При этом все биографы отмечают, что он практически не встречался со своей двоюродной сестрой, будучи намного младше ее. Поэтому его неприятие можно объяснить разве что желанием на всякий случай как государственному деятелю отмежеваться от слишком уж необычной и проблемной родственницы.

Именно удивительные психологические способности основательницы теософии, которым окружающие искренне поражались, восхищались, а часто и откровенно завидовали, стали главным источником клеветнических измышлений о Блаватской.

То, что этими способностями она обладала на самом деле, ныне не вызывает никаких сомнений, поскольку их сходные описания оставили самые разные люди и в самых разных странах, в том числе и сам С.Ю.Витте². С детальным анализом этих фактов можно оз-

¹ Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. Т. 1. – М., 1969. – С. 11.

² Он описывает случай, когда по мысленному приказу Блаватской в другой комнате стал играть закрытый рояль, возле которого не было в тот момент ни одного человека. – Там же. С. 8.

накопиться по многим монографиям – С.Крэнстон, Г.Мэрфи, по воспоминаниям ее родной сестры В.П.Желиховской, которая была непосредственной свидетельницей этих феноменов³.

«В особенности поражали осмысленные ответы на задуманные вопросы; такое всезнание сил, орудовавших вокруг Блаватской, и в то время уже дало ей прозелитов из среды завзятых скептиков... Скоро Псков и отчасти Петербург, как позже и весь Кавказ, заговорили о “чудесах”, окружавших Блаватскую»⁴.

Тщательное же современное исследование выводов известного доклада следователя Ходжсона 1885 года о том, что феномены, производимые Блаватской, являются якобы результатами ее ловких фокусов, показало их предвзятость и необъективность. Они были целиком основаны на показаниях четы Куломбов, откровенных ненавистников Блаватской. То, что это предвзятое исследование проводилось под эгидой американского Общества психических исследований, в немалой степени способствовало распространению клеветнических слухов об основательнице теософии. В 1986 г. самим Обществом психических исследований был выпущен пресс-релиз, предназначенный для ведущих газет и журналов Великобритании, Канады и США.

Он начинался такими словами: «Новейшие исследования позволяют заключить, что госпожа Блаватская, соосновательница Теософского общества, была несправедливо подвергнута критике». Далее в релизе говорится: «В результате подробного анализа доклада становится всё бо-

³ Подчеркнем, что В.Желиховская отнюдь не была привержена взглядам сестры. Она была убежденной православной христианкой, но не могла как честный и непредвзятый свидетель не видеть и не фиксировать абсолютную невозможность каких-либо «подделок» и «фокусов» со стороны сестры. Тем более что эти явления происходили без какой-либо подготовки, спонтанно и в самое неожиданное время.

⁴ Желиховская В.П. Моя сестра – Елена Блаватская // В.П.Желиховская. Моя сестра – Елена Блаватская. Правда о мадам Радда-Бай. – М., 2017. – С. 228.

лее очевидным, что Ходжсон... был готов использовать против Е.П.Блаватской любые доказательства, даже самые незначительные и сомнительные, но при этом игнорировал все факты, которые могли свидетельствовать в ее пользу. Его доклад изобилует однобокими суждениями, догадками, выдаваемыми за неопровержимые или вероятные факты, неподтвержденными показаниями безымянных свидетелей, выборочными доказательствами и откровенно ложными заключениями»¹.

Более того, такие известные ученые-естественники XIX века, как А.Уоллес² и В.Крукс³ провели целый ряд экспериментов с подобными феноменами⁴, используя самые строгие в то время научные методы проверки, и сделали однозначные выводы об их подлинности (конечно же, они столкнулись с неприятием большинства коллег, которые отвергали даже предложения совместно повторить опыты).

Еще один любопытный факт, связанный с удивительными способностями Блаватской, которые ее отличали с самого детства, приводит В.П.Желиховская. Эти воспоминания, которым нет оснований не доверять, опровергают мнение того же Н.А.Бердяева, что «Блаватская терпеть не могла христианства»⁵. Наоборот: этот факт доказывает, что признание существования скрытых сил в человеке и призыв к их объективному изучению возможны не только в рамках философии и науки, но и в рамках широкого православно-религиозного мировоззрения.

В.П.Желиховская пишет: «На

¹Крэнстон С. Указ. соч. – С. 8.

² Alfred Russel Wallace. On miracles and modern spiritualism. Three Essays. – London, 1875.

³ William Crookes. Researches the phenomena of spiritualism. – London, 1874.

⁴ Правда, не с самой Е.П.Блаватской, а с наиболее известными в то время людьми, обладающими схожими трансцендентно-психическими способностями, хотя и намного в меньшей степени. Но даже эта степень позволяла им производить феномены, не укладывающиеся в рамки позитивистской науки того времени.

⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 181.

следующий год Блаватская уехала в Тифлис. По дороге, именно в Задонске, у обедни, ее узнал преосвященный Исидор, бывший Экзарх Грузии, впоследствии митрополит С. Петербургский, находившийся проездом из Киева. Он знал ее еще в Тифлисе и прислал служку звать ее к себе. Преосвященный расспрашивал ее ласково, где и как она странствовала, куда едет и пр. Заметив вскоре окружавшие ее феномены, владыка обратил на них внимание. С большим интересом расспрашивал, задавал вопросы мысленно и, получив на них толковые ответы, был еще более изумлен... На прощание он благословил ее и напутствовал словами, которые навеки остались ей памятны и дороги как мнение об исключительном даре ее преосвященного Иерея православной церкви. Он сказал: «Нет силы не от Бога! Смущаться ею вам нечего, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам... Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества... Бог да благословит вас на все хорошее и доброе»⁶.

Быть может, именно сегодня эти слова высокого православно-иерарха особенно актуальны: человек призван всесторонне познавать окружающий мир и самого себя, лишь бы эти знания служили во благо человечества.

К сожалению, не все соотечественники и даже деятели русской культуры отнеслись к Блаватской так же. Так, коварный удар по репутации Блаватской был нанесен ее соотечественником, писателем Всеволодом Соловьевым, родным братом великого русского философа Владимира Соловьева. Последний потом до конца жизни был вынужден оправдываться, что это не он, а его брат написал

⁶ Желиховская В.П. Указ. соч. – С. 229.

книгу о Блаватской. В предисловии к своим знаменитым «Трем разговорам» Владимир Соловьев считал необходимым еще раз подчеркнуть: «Мне продолжают приписывать враждебно-обличительные сочинения против основательницы необуддизма, покойной Е.П.Блаватской. Ввиду этого считаю нужным заявить, что я... никакими исследованиями и изобличениями ее личности и производившихся ею явлений не занимался и ничего об этом никогда не печатал»⁷.

Предыстория создания книги, а точнее сказать, пасквиля Всеволода Соловьева под названием «Разоблаченная жрица Изиды» вкратце такова. Вс. Соловьев познакомился с Блаватской в Париже весной 1884 года. Позднее он навещал ее в Вюрцбурге, где она тогда жила, в августе и сентябре 1885 года. Целью его визитов было подробнее разузнать о психических способностях Блаватской и по возможности овладеть ими для публичных демонстраций. Он всячески льстил и обхаживал Блаватскую. После того, как она отказала ему, Вс. Соловьев затаил обиду и злобу на основательницу теософии, которые потом в полной мере и отразились на страницах его книги. Она появилась через год после смерти Блаватской сначала в журнале «Русский вестник», а потом отдельным изданием. Разоблачение измышлений Вс. Соловьева о Блаватской, где он называет основательницу теософии «воровкой душ, которая пыталась украсть и мою душу», последовало со стороны многих людей, в том числе, и от В.П.Желиховской, которая и сама состояла в переписке с Соловьевым и сохранила многие его письма, адресованные сестре. Их содержание полностью изобличает двуличие и инсинуации Вс. Соловьева.

К сожалению, клевета Вс. Соловьева о «шарлатанке Блаватской» разошлась широким ти-

⁷ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. – М., 1988. – С. 643.

ражом и, поскольку содержала ссылки на якобы «научное разоблачение обманов Блаватской» в докладе Ходжсона, вызвала доверие и получила широкое хождение в русском обществе. Самым негативным образом эта клевета повлияла и на восприятие идей Блаватской представителями русской религиозной философии уже XX века.

Однако это вовсе не мешает высказать третий ключевой тезис данной работы: между теософией Блаватской и идеями русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков, даже вопреки мнению самих русских философов, существуют несомненные и очень важные идейные и тематические параллели.

ТЕОСОФИЯ И РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОТ РАЗЛИЧИЙ – К ОБЩНОСТИ ИДЕЙ

Следует сразу оговориться, что в данном разделе не ставится задача дать исчерпывающий перечень идейных пересечений и тематических переключек между теософскими построениями и отечественным философским наследием Серебряного века. Скорее, это лишь введение в проблему, учитывая факт тенденциозного замалчивания и крайне поверхностного отношения к наследию Блаватской в досоветский, советский и, что особенно прискорбно, в постсоветский период развития отечественной философии. Добротные и объективные научные исследования, посвященные личности и творчеству Блаватской, на Западе исчисляются десятками, если не сотнями; у нас – единичными публикациями¹.

Сопоставление идей русской философии с теософией следует начать с очевидного факта: тер-

мин «теософия», причем в смысле весьма близком к Блаватской, использует В.С.Соловьев. Вот цитата из его ключевого произведения «Критика отвлеченных начал», написанного в 1880 году: «...Отрицательное отношение разума и науки к религиозному знанию оправдывается отвлеченно-догматическим характером самой теологии, противоречащим абсолютному значению религиозной истины; и, следовательно, задача не в том, чтобы восстановить традиционную теологию в ее исключительном значении, а напротив, чтоб освободить ее от отвлеченного догматизма, ввести религиозную истину в форму свободно-разумного мышления и реализовать ее в данных опытной науки, поставить теологию во внутреннюю связь с философией и наукой и, таким образом, организовать всю область истинного знания в полную систему свободной и научной теософии»².

Здесь очевидно почти прямое совпадение одной из основных синтетических посылок теософии, о которой речь шла в первом разделе работы, с важнейшим положением соловьевской «метафизики всеединства».

Более того, теософию правомерно рассматривать как одну из форм реализации общей, восходящей к славянофилам, направленности русской философии на обретение человеком цельного бытия и цельного знания, где как раз «расколотовость» культуры и внутреннего мира человека рассматриваются в качестве основного критерия кризиса нашей цивилизации.

Так, И.В.Киреевский пишет, что «характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и

весь объем ума сливается в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости»³.

У славянофилов мы встречаем еще одну очень важную идею, весьма близкую к теософским построениям: и цельность бытия самого человека, и целостность его миропонимания – напрямую зависят от уровня его духовного, прежде всего нравственного, развития, где низшее прозрачно для высшего, но не наоборот. Это, в частности, касается личности самой Блаватской и тех страданий, которые ей довелось испытать в жизни.

«...Степени разумения бесконечны, – пишет А.С.Хомяков, – но зато и задача высшего разума для сообщения другим своих приобретений крайне трудна, потому что (говоря словами Киреевского) “все системы мышления, исходящие из низших степеней, понятны тому, кто стоит на высшей степени и видит их ограниченность; но для мышления, стоящего на низшей степени, высшая непонятна и представляется неразумием”»⁴.

Эту, уже упоминавшуюся идею качественной иерархии сознаний и бесконечности процесса совершенствования/развития сознания можно найти у многих русских философов, например, у Е.Н.Трубецкого и В.Ф.Эрна. Е.Н.Трубецкой пишет в работе «Свет Фаворский и преображение ума», посвященной анализу работы П.А.Флоренского «Столп и утверждение истины»: «Чем ближе мы к Истине, тем глубже мы сознаем свое греховное раздвоение, тем яснее становится для нас, как еще далеко мы отстоим от нее: в этом – основной закон как нравственного, так и умственного просветления. Чтобы сознать, что не имеешь одеж-

¹ Отметим уже цитированный выше сборник статей «Вестник Космической эволюции. Сборник статей». Тверь, 2012, который, правда, носит скорее просветительский, нежели научно-исследовательский характер. Отметим также монографию: Шабанова Ю.А. Теософия: история и современность. – Харьков, 2016.

² Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М., 1988. – С. 742.

³ Киреевский. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 334.

⁴ Хомяков А.С. По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В.Киреевского. URL: <http://homyakov.lit-info.ru/homyakov/publicistika/po-povodu-otryvkov-kireevskogo.htm>

ды, дабы войти в чертог брачный, надо хоть издали умственным взором видеть этот чертог. Так и в познании Истины; здесь, как и в процессе нравственного усовершенствования, чем выше человек поднимается из ступени в ступень, чем ярче светит ему Истина единая и всецелая, тем совершеннее сознает он собственную свою нецелость – внутреннюю противоречивость своего рассудка»¹.

Весьма близки теософии мысли С.Л.Франка о взаимодействии науки и религии, высказанные в его почти забытой, но чрезвычайно важной, на наш взгляд, работе «Религия и наука в современном сознании», опубликованной им в эмиграции в журнале «Путь».

С одной стороны, он вполне обоснованно констатирует, что в настоящий момент «ни религия не может вторгаться в компетенцию научного знания, ни наука – в компетенцию религиозного ведения»² по причине различия своих объектов и типов познавательного опыта, – однако, с другой стороны, религия и наука не могут не стремиться к некоторой согласованности, ибо без этого не будет «единства и цельности общего жизнепонимания»³.

Отечественный мыслитель предлагает диалектически использовать для понимания соотношения науки и религии традиционную богословскую терминологию о нераздельности и неслиянности двух природ в Иисусе Христе. С.Л.Франк пишет: «...Познание мира для того, чья душа открыта и чутка к ощущению последних глубин бытия, лишь отвлеченно и в совершенно относительном смысле может быть обособлено от Богопознания; в живой человеческой душе то и другое, при нормальных условиях, живет не только совместно, но и в некоем конкретном

единстве – если неслиянно, то и нераздельно»⁴.

С.Л.Франк, вполне в духе работ Блаватской, выражает уверенность, что европейская наука естественным путем, опираясь на свои собственные строгие экспериментальные методы, сумеет преодолеть плоско материалистические и позитивистские соблазны и выработать более глубокое и широкое научное мировоззрение, которое по-другому станет относиться и к религиозному опыту⁵.

Он даже указывает на те прорывные научные направления, где будет рождаться это новое научное мировидение: теория бессознательного; изучение паранормальных явлений; виталистские идеи Г.Дриша; телеологические искания в биологии и геологии. «В этих научных течениях, – замечает С.Л.Франк, – окружающий нас мир теряет столь привычные уже нам черты бессмысленного хаоса слепых сил и мертвого вещества и снова начинает нам раскрываться, как таинственный, гармонически слаженный, полный живых сил космос, наводящий человека на мысль об его Божественном Творце»⁶. Под последней фразой С.Л.Франка, без сомнения, полвека назад подписалась бы и основательница теософии.

Направленность на обретение жизненной цельности и живого цельного знания, правда, с опорой на православное религиозное мировоззрение⁷, мы увидим и у С.Н.Булгакова, и у И.А.Ильина, и у Н.О.Лосского. Это дает основание полностью солидаризоваться с мнением В.В.Зеньковского. «Русские философы, – пишет он, – за редкими исключениями, ищут именно целостности,

синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа»⁸. В этом пункте с В.В.Зеньковским вполне согласен Н.О.Лосский⁹, а также многие известные современные историки русской философии: А.В.Гулыга, М.А.Маслин, М.Н.Громов.

Установка на единство различных форм человеческого опыта присуща и творчеству П.А.Флоренского. Об этом он прямо пишет в самом начале своей «Автобиографии»: «Свою жизненную задачу Ф[лоренский] понимает как проложение путей к будущему цельному мировоззрению»¹⁰. Авторское понимание соотношения науки, метафизики и религиозной веры он кратко излагает в лекциях «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания»: «Не может быть метафизики и науки самодовлеющей: они отправляются от предмета веры, который существует и в научной мысли»¹¹.

Однако, в отличие от многих других русских православных философов, П.А.Флоренский с глубоким уважением и вниманием относится к восточной и, прежде всего, индийской философии. Об этом свидетельствуют библиография и комментарии к его знаменитому «Столпу и утверждению истины». Там труды востоковедческого содержания исчисляются десятками наименований на многих языках.

Восток для П.А.Флоренского, как и для Блаватской, – «колыбель культуры»¹², причем колыбель деятельная и живая, а не реликт и не архив, представляющие лишь исторический интерес. В 1918 году выходит книга выдающегося русского индолога

⁴ Там же. С. 498.

⁵ Там же. С. 500.

⁶ Там же. С. 503.

⁷ Блаватская при всем своем общем критическом отношении к религиозной догматике, везде отдает предпочтение именно православию, а не католицизму с протестантизмом, о чем говорит эпиграф данной работы. Разве что буддизм и веданта представляются ей традиционными религиями, в наибольшей полноте сохранившими древнюю синтетическую мудрость.

⁸ Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х т. Т. 1, Ч. 1. – Л., 1991. – С. 17.

⁹ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 470–471.

¹⁰ Флоренский П.А. Автореферат // Вопросы философии. – 1988. – № 12. – С. 114.

¹¹ Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2). – М., 1995. – С. 476.

¹² Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 2. – С. 75.

¹ Трубецкой Е.Н. Свет Фаворский и преобразование ума. URL: <https://xpa-spb.ru/libr/-/Florenskij-pro-et-contra-1996/285-Trubeckoj-svet-Favorskij.pdf>

² Франк С.Л. Религия и наука в современном сознании // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I-IV). – М., 1992. – С. 497.

³ Там же. С. 497.

О.О.Розенберга «Проблемы буддийской философии. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам». Отец Павел детально прорабатывает ее, обнаруживая созвучие своей излюбленной идеи прерывности пространства и времени со знаменитой буддийской теорией дхарм – базовых психофизических элементов бытия¹.

При этом он всегда и везде остается именно православным философом. В его кратком и довольно противоречивом суждении о теософии присутствует, с одной стороны, мысль, что именно православные ученые и мыслители должны творчески осваивать реальные проблемные поля, которые разрабатывает теософия; а с другой стороны, он видит в теософии мировоззренческую угрозу православию, поскольку «она опирается на реальную потребность человека в ощущении иных миров. Их приемы состоят в утончении чувств, а то, что они говорят, чрезвычайно похоже на правду, близко к тому, что говорили святые отцы, а по существу есть самый утонченный позитивизм, и он бесконечно опаснее, чем грубый материализм, прямой позитивизм»².

Ошибка Флоренского, на наш взгляд, в том, что идея теософии ни в коей мере не опирается на «потребность в ощущении», – которая здесь звучит как «потребность в новых ощущениях, чувственных и психологических», свойственная современному потребителю, чтобы восполнить душевную и духовную пустоту.

Если уж употреблять слово «потребность», то это именно духовная потребность, та же самая, которая направляет подвижников всех религий. Но это отдельная тема, также требующая специальных обсуждений.

Однако известно, что выдающиеся мыслители часто развива-

ют идеи и темы вопреки своим со знательным мировоззренческим установкам. Мы уже отмечали близость синархического мышления П.А.Флоренского к мышлению Блаватской. П.А.Флоренский близок к теософии и в том, что современному научному знанию необходимо обращаться к древней мудрости. Есть даже основание предположить, что в этом пункте П.А.Флоренский испытал прямое влияние теософии. В своих воспоминаниях он говорит, что его отец познакомился с Блаватской в Тифлисе. Она уже тогда владела «какими-то чрезвычайными силами»³, что сказалось на его критическом отношении к материалистической науке.

В целом ряде своих работ он проводит мысль, что наши далекие предки многое видели глубже и тоньше нас, самоуверенных сынов техногенно-потребительской цивилизации. Это касается и целостного понимания природы (см. его знаменитую работу «Общечеловеческие корни идеализма»); и использования силы, которой обладает живое слово, особенно имена (см. «Имена» и «У водоразделов мысли»); и овладения духовными энергиями, скрытыми в самом человеке. А его лекции «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания» в наибольшей степени близки теософским идеям.

Приведем большой и очень показательный фрагмент из его восьмой лекции, где само уровневое строение бытия и предчувствие близости новых времен – с необходимостью кардинально иного понимания взаимоотношений между духовным и материальным – весьма напоминают иерархические онтологические построения теософии и ее общее мироощущение:

«Нужно отметить особенность нашего времени. Представьте себе долину и высокие горы. Мы

живем в долинах, в обычном воздухе, и лишь живущие на высоких горах задеваются духовными облаками. А к вечеру облака спускаются и задевают всех, а не одних лишь жителей гор. Так и в наше время – “вечернее” – заметно, с одной стороны, обострение мистической чувствительности, а с другой – снисхождение к нам Божества, миров иных. Сейчас чудо неизмеримо ближе, как и вообще мистические явления, как благодатные, так и темные, как близость усопших, так и обратнo темных сил.

Для живущих в позитивистических низинах одинаково далека и чужда как белая, так и черная “благодать”. Но когда ответственность от нас большая требуется, то и чувствительность обостряется.

Рассуждения об аурах, истечениях организма. Объятия, поцелуи, рукопожатия кроме условного своего значения имеют и то, что благодаря им происходит обмен энергией, внутреннее соединение с другим человеком [выд. нами – авт.]»⁴.

Эти мысли Флоренского не просто близки, но буквально повторяют многие идеи теософии Блаватской.

П.А.Флоренский весьма близок теософским построениям не только с точки зрения критики «позитивистических низин», но и в аспекте понимания роли древней мифологической символики, за которой часто скрываются очень глубокие знания, важные для современного человека. Символы, которые, по его словам, являются «отверстиями, пробитыми в нашей субъективности», непосредственно открывают дверь в иные слои реальности (См. его «Иконостас», «Водоразделы мысли», неоконченный «Словарь символов»).

Более того, через символ, особенно идеографический и орнаментальный, человек получает возможность выразить

¹ Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М., 2000. – С. 410.

² Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2). – С. 463.

³ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генезисологические исследования. Из соловецких писем. Завещание. – М., 1992. – С. 304.

⁴ Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3(2) – С. 426–427.

всеобщее знание, не выразимое никакими иными способами – ни вербально-понятийными, ни художественными. Вот одно из фундаментальных основоположений «метафизики символа», сформулированных отцом Павлом: «Следует указать, что анализ знаков всех идеографических систем указывает на тождественность или подобие весьма большого их количества для всех народов, отделенных исторически друг от друга, и это обстоятельство может быть объяснено или наличием какой-то доисторической пракультуры, послужившей для всех них истоком [выд. нами – авт], или же тождественностью психологических законов человечества, согласно которым для выражения одной и той же идеи создаются аналогичные образы во все времена и у всех народов»¹.

Хотелось бы обратить внимание читателя на еще одну важную перекличку идей в теософии и у П.А.Флоренского. Нам уже доводилось писать, что у отца Павла можно обнаружить целостную «философию мысли»², поскольку физический мир творится Мыслью-Словом Божественного Логоса, а человеческая мысль – в чем, собственно, и состоит коренная задача истинной метафизики – должна творчески «встретиться» с Божественной Мыслью.

Но очень близкую онтологию мысли мы обнаруживаем и в построениях Блаватской, где высочайшее Сверх-Сознание Логосов³ творит своей совершенной огненной Мыслью все формы Вселенной, эволюция которых рано или поздно должна привести к сознательному единению и сотворчеству их индивидуальной (познающей и творящей) мысли с Божественной Мыслью.

Укажем в этой связи на несколько важных метафизических образов П.А.Флоренского, которые очень близки Блаватской.

По Флоренскому, Логос как Живой и Мыслящий Порядок Бытия в виде Древа Мысли словно прорастает в первичный мировой хаос, очерчивает его границы⁴ и творчески организует, – претворяясь в древо вселенных и планетных систем, в родо-видовые биологические и генеалогические древа, в древа языков и древа святых, в древа нервной и кровеносной систем человека, в древо понятий и в древо семантических значений слова, ибо древовидные фрактальные структуры буквально пронизывают все мироздание.

Логос и сам может трактоваться, используя терминологию отца Павла, как Семема семем, как Вечное древо имен, чисел и смыслов, которые впоследствии будут «распаковываться» и приращиваться усилиями многих цивилизаций, народов и индивидуальных сознаний.

Символ Мирового Древа сопрягается у П.А.Флоренского с символом креста, где вертикаль Мысли пронизывает горизонталь первичной Материи⁵. Но крест – один из самых важных символов также и в «Тайной Доктрине»⁶, нагруженный сложной метафизической и антропологической семантикой.

В целом, онтология теософии, как и онтологические построения многих представителей русской религиозной философии (В.С.Соловьева, С.Л.Франка, С.Н.Булгакова, П.А.Флоренского) монодуалистичны в своих основаниях⁷, духоматериальны, где в рамках Единого Дух и Материя

неразрывны и неслиянны, а их взаимное диалектическое опосредование лежит в основе эволюционного разворачивания Космоса – от первоначального единства к видимому обособлению элементов и обратно, к их новому единству.

Есть также интересные пересечения между теософскими антропологическими идеями и взглядами на человека в русской религиозной философии. Это касается, в частности, четкого разведения у ряда русских философов эмпирического «я» – и глубинного (духовного или Божественного) «Я» человека.

Так, С.Л.Франк в своей поздней работе «Человек и реальность» трактует духовное «Я» человека именно как его монаду, как «Божественную искру» в человеке, то есть в каком-то смысле – совершенно по-восточному и по-теософски⁸.

Вполне в духе теософии С.Л.Франк пишет, что «чем больше человек... живет и действует не самочинно-произвольно, а прислушиваясь к голосу этой глубины, тем в большей мере он есть подлинная личность, подлинное свободно творческое существо»⁹. Он дает тончайший анализ диалектики глубинного «Я» и эмпирического «я», положительной свободы следования внутреннему голосу духа – и негативной свободы рабствования у собственных страстей и предрасудков¹⁰. Сравним это с утверждением Блаватской: ««Я» в человеке всеведуще и от природы обладает всеми знаниями; в то же время личное «Я» является продуктом окружения и рабом физической памяти. Если бы первое могло проявлять себя непрерывно и без препятствий, на Земле не было бы больше людей, а все мы были бы Богами»¹¹.

Но при этом никто из русских

¹ Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 2. – С. 566–567.

² Иванов А.В., Фотиева И.В. Философия мысли Павла Флоренского // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. № 4. – С. 92–111.

³ Еще раз подчеркнем и символичность, и крайнюю сложность и амбивалентность языка теософии, особенно «Тайной Доктрины», над которым еще предстоит капитально поработать будущим исследователям.

⁴ Флоренский, как известно, отрицал безграничность мира, полностью совпадая в этом пункте с А.Ф.Лосевым. См. работу А.Ф.Лосева «Диалектика мифа».

⁵ Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). – М., 2004. – С. 39–40.

⁶ Тайная Доктрина, С. 39.

⁷ Сам термин был введен, насколько нам известно, Н.Я.Гротом, а потом был метафизически эксплицирован и активно использован С.Л.Франком в работе «Непостижимое». Потом им активно пользовался С.Н.Булгаков. Обзор монодуалистических онтологий представлен в работе: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли.

⁸ Франк С.Л. Реальность и человек. – СПб., 1997. – С. 261.

⁹ Там же. С. 262.

¹⁰ Там же. С. 298–312.

¹¹ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. – С. 120.

православных философов, кроме Н.О.Лосского, не признает возможности перевоплощения этого глубинного «Я», оставаясь на вполне ортодоксальных христианских позициях единственности и уникальности жизни, которая дарована человеку Богом на Земле. Здесь исключением является Н.О.Лосский.

Он, как и С.Л.Франк, признает человека потенциально богоподобным существом, вводя понятие «субстанциального деятеля» для обозначения его глубинного «Я», – самым термином подчеркивая способность человека не только к личному творчеству, но к активному и универсальному со-творчеству с Богом. Накопление нравственных качеств и обретение различных творческих и познавательных способностей достигается субстанциальным деятелем в череде личных перевоплощений и в ходе долгой эволюции. В Царстве Божием (или в Царстве Духа, по выражению Н.О.Лосского) развитые субстанциальные деятели обретают сорное и любовное, взаимно прозрачное и взаимно обогащающее друг друга, актуальное консубстанциальное бытие.

Вот как излагает Н.О.Лосский ключевые элементы своей антропологии: «Первоначальный акт сотворения мира... состоял в творении богом субстанциальных деятелей и в наделении их свойствами сверхвременного и сверхпространственного бытия вместе с... творческой силой... Выработать эмпирический характер, т.е. эмпирический тип жизни, – это уже задача творческой деятельности каждого существа.

...Существа, вступившие на путь эгоизма, образуют сферу несовершенного бытия, в которой они освобождаются от своих недостатков посредством медленной, более или менее болезненной эволюции.

...Утверждение, что один и тот же субстанциальный деятель может развиваться от электрона до человеческого типа жизни и под-

няться выше человека, например, в форме общественного я – это утверждение есть не что иное, как учение о перевоплощении»¹.

Н.О.Лосский, таким образом, – единственный русский православный философ, который не только постулирует универсальный характер духовной эволюции и использует восточное учение о перевоплощении, как ее необходимым условием², но и прямо признает закон иерархии сознаний в Космосе, где высшее помогает низшему и направляет его развитие. Он даже называет свое учение «иерархическим персонализмом»³.

Ему принадлежат также удивительно смелые и яркие описания творческого бытия субстанциальных деятелей в Царствии Божием⁴, которые во многом совпадают, например, с описанием нирванического уровня существования архатов и боддхисаттв в буддийской традиции и с описанием высших существ в теософии Блаватской.

Правда, Н.О.Лосский отрицает не только существование закона кармы, но и всякой объективной причинности в мире. Для него абсолютен только свободный выбор монад на путях эволюции. Чужд он также всякому монодуализму: мир, по Н.О.Лосскому, творится Богом буквально из ничего. Как и другие русские религиозные философы, он отдает безусловное предпочтение православию как единственному носителю мировой истины. Так же, как и все другие русские религиозные философы, Н.О.Лосский отрицает теософское «семеричное» строение человека.

Следует, учитывая вышесказанное, предостеречь будущих исследователей от соблазна «под-

¹ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 304–305.

² Правда, со множеством странных и малоубедительных православных оговорок, которые здесь не место и не время обсуждать.

³ Лосский Н.О. Указ. соч. С. 296.

⁴ См. его описание уже в «Мире как органическом целом». Лосский Н.О. Избранное. – М., 1991. – С. 393–412, а также в работе: Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994. – С. 322–329.

гонки» идей русской религиозной философии под теософскую картину мира, стирания различий между ними. Однако антропологические воззрения отечественных философов, и особенно Н.О.Лосского, закладывают хорошую метафизическую основу не только для их непредвзятого и систематического сопоставления с теософией Блаватской, но и для творческого диалога русской и восточной, особенно индийской, философских традиций.

И последний момент необходимо отметить при анализе параллелей между русской религиозной философией и теософией. Он касается нравственных основоположений теософии. С исчерпывающей краткостью и полнотой ее этические принципы были изложены в последней работе Блаватской «Ключ к теософии»: «Если действие одного влияет на жизнь всех других – и это – правильная научная теория, – то только благодаря тому, что все мужчины станут братьями, а все женщины – сестрами, и благодаря тому, что все будут воплощать в своей каждодневной жизни истинное братство, только тогда будет достигнута истинная человеческая солидарность, которая лежит у основания возвышения расы. Именно действие и взаимодействие, то истинное братство, в котором каждый будет жить для всех и все – для каждого, что является одним из основных теософических принципов, которым каждый теософ должен быть связан, не только для того, чтобы проповедовать, но и для того, чтобы проводить в свою индивидуальную жизнь»⁵.

Сравним это теософское этическое утверждение со знаменитой этической максимой Ф.М.Достоевского⁶, высказанной в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «...Надо стать личностью, даже гораздо в высо-

⁵ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. – С. 209.

⁶ Кстати, о том, был или не был знаком Ф.М.Достоевский с трудами Блаватской, нам ничего не известно.

чайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности.

Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека»¹.

Если же попытаться выявить главную черту характера и деятельности Блаватской, то это именно и будет самопожертвование. Ради Истины, ради единения человечества и освобождения его сознания от грубо материалистических и церковно-догматических предрассудков она претерпела абсолютное непонимание, жесточайшие гонения и клевету, в том числе и со стороны своих соотечественников.

***

Завершая работу, подчеркнем еще раз: систематическое сопоставление идей теософии и русской философии – дело будущего. Здесь много нюансов и методологических вопросов, требующих капитального и неспешного промысливания, особенно если учесть, повторимся, исключительно сложный и оставленный Блаватской недоработанным текст «Тайной Доктрины», ее основного сочинения.

Будущих исследователей

всегда будут подстерегать два соблазна: с одной стороны, – поверхностного и субъективно-произвольного истолкования текста «Тайной Доктрины», а с другой, – желания просто отложить в сторону «бессистемное нагромождение философских и мифологических терминов и схем», каким при первом ознакомлении представляется это произведение Блаватской.

По второму пути всегда шло и идет подавляющее большинство профессиональных философов, привыкших к классической западной традиции дискурсивно выстроенного текста. Первый путь свойственен восторженным дилетантам, увлекшимся теософскими идеями, но профессионально не способным его адекватно понять.

Единственно же верный путь, на наш взгляд, – это, во-первых, не пытаться уложить тексты Блаватской в простые и привычные рациональные схемы. Тут нужно терпение и презумпция исключительной глубины текстов, которые предстоит понять.

Во-вторых, повторимся, для истолкования той же «Тайной Доктрины» нужно попытаться не только его рационально понять, но и увидеть, почувствовать ту многомерную, сложную и непривычную реальность, которая стоит за ее текстом, т.е. обратиться к сверхлогическим (трансцендентным, интуитивным или умозрительным – термины тут не суть важны) компонентам своего сознания. Не все можно выразить словом, недаром название одной из книг Блаватской носит название «Голос Безмолвия» – сборник восточных духовных афоризмов. Но любое подобное непосредственное понимание потребует, естественно, последующей сильной рациональной обработки и проверки.

В-третьих, необходимо философско-герменевтические, философско-компаративистские и собственно метафизические философские методы и штудии до-

полнить обращением к научному знанию в русле той методологии, которую предложил С.Л.Франк в процитированной выше статье. Многие понятия и гипотезы, которые мы встречаем у Блаватской, требуют не столько умозрительных рассуждений, сколько строгой научной концептуализации и экспериментальной проверки, насколько, естественно, они на данный момент возможны.

И, наконец, в-четвертых, необходимо изучать тексты Блаватской с обязательным привлечением текстов «Живой Этики» (Агни-Йоги), данной через семью Рерихов. Это учение развивает и разъясняет многие положения теософии Блаватской, а также вводит новые понятия, существенно облегчающие освоение теософских идей.

В любом случае выдающиеся труды и жизнь Елены Петровны Блаватской заслуживают безусловного уважения и дальнейшего изучения на ее Родине, которую она так любила и которая отплатила ей такой черной неблагодарностью.

¹ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Ф.М.Достоевский. Собр. соч. в 15 т. Т. 4. – Л., 1989. – С. 428–429.